

Глава 14

— Кхе-кхе-кхе...

Линь Цзао лежал на кровати и безучастно смотрел в потолок.

Потолок вращался, кровать качалась.

И он сам качался вместе с ними.

Голова кружилась, всё плыло перед глазами.

Словно на американских горках. Какое странное ощущение.

Линь Цзао моргнул, пытаясь сфокусировать зрение.

Но в следующую секунду потолок в его глазах завертелся с бешеной скоростью и ринулся прямо на него!

— Ай!

Вскрикнув, Линь Цзао судорожно схватился за край одеяла, рывком натянул его на голову и забился под него.

Потолок падает!

Фу Чэн, вот до чего ты довёл!

Потолок, который ты сам же контролировал, сейчас раздавит твою жену!

Спрятавшись под одеялом, Линь Цзао вдруг что-то вспомнил и поспешно пошарил рукой рядом с собой.

Сяобао? Сяобао!

Где Сяобао? Куда делся его Сяобао?!

В тот же миг снаружи послышался голос Линь Сяобао, нарочито взрослый и сдавленный:

— Папа-больной, ты проснулся?

— М-м... а?

Линь Цзао замер на мгновение, приходя в себя. Он откинул одеяло и высунул голову.

Потолок не падал. Это был бред.

Болезнь совсем затуманила ему голову.

Линь Цзао потёр виски и, повернувшись на звук, посмотрел в сторону двери.

Линь Сяобао, держа в руках небольшой металлический таз, осторожно входил в комнату.

Обе его руки были заняты, поэтому, чтобы открыть дверь, он повернулся спиной и толкнул её попой, приоткрыв щель.

Словно щенок, он протиснулся в проём.

Для трёхлетнего малыша это был настоящий акробатический трюк.

Но Линь Сяобао справился блестяще, не расплескав ни капли из таза.

Он неотрывно смотрел на его содержимое, низко опустив голову.

Когда он вошёл, дверь за ним закрылась сама. Линь Сяобао развернулся и направился к Линь Цзао.

— Папа-больной, ты голоден?

— Вроде...

Линь Цзао пришёл в себя и, поспешно встав с кровати, протянул руку, чтобы помочь сыну.

— Сяобао, что это? Ты когда проснулся? Почему не разбудил меня?

— Это... это «ниточки».

— «Ниточки»?

— Да. Вкусные «ниточки», я уже съел целый таз.

Линь Сяобао поднял таз и показал его Линь Цзао.

Тот, ничего не понимая, заглянул внутрь.

А, это сяньмянь.

Линь Сяобао, смешав слова «сяньмянь» и «лапша», придумал своё — «ниточки».

Обычная белая тонкая лапша, целый таз, с обжаренными грибами, нежирной свининой и сушёной каракатицей, в густом золотистом курином бульоне.

Линь Сяобао поставил таз на прикроватную тумбочку, затем повернулся, взял Линь Цзао за руку, подвёл его обратно к кровати и твёрдо сказал:

— Папа, ты сейчас больной, тебе нельзя вставать с кровати!

— Хорошо.

Линь Цзао вернулся в постель. Он взглянул на лапшу и снова спросил:

— Сяобао, эту лапшу...

Наверняка приготовил не Сяобао.

У них дома не было ни сяньмянь, ни куриного бульона, да и Сяобао не умел готовить.

Они с Фу Чэном строго-настрого запретили ему заходить на кухню без взрослых.

Значит...

Линь Цзао задумался.

— Это дедушка Чжан из соседнего дома приготовил?

— Ага! — энергично закивал Линь Сяобао.

— Я проспал, и ты пошёл к окну на первом этаже и позвал дедушку Чжана, — предположил

Линь Цзао. — А он сварил лапшу, поставил её на подоконник, а ты забрал?

— Да, — продолжал кивать Линь Сяобао. — Папа заболел, у него лоб был горячий-горячий. Я не хотел тебя будить, но очень проголодался, поэтому достал из холодильника немного мяса и салата, хотел обменять у дедушки Чжана на что-нибудь готовое.

— Но дедушка Чжан не взял наше мясо и салат, велел убрать всё обратно и сварил мне лапшу.

— Точно!

Линь Сяобао вдруг что-то вспомнил и, развернувшись, убежал.

— Эй...

Линь Цзао не успел его остановить.

Через мгновение Линь Сяобао вернулся, сжимая в руках большой пучок зелёных и фиолетовых листьев.

— И вот это! Дедушка Чжан сказал, что это «перилла», лечебная трава от простуды, и велел отдать папе.

— Дедушка Чжан ещё сказал, что её нужно заваривать. Но не как яичницу или куриную отбивную, а в воде.

— Я не понял, но дедушка Чжан сказал, что папа поймёт. Папа, ты понял?

— Папа понял, — Линь Цзао поджал губы и тихо кивнул.

Он взял в руки тяжёлый пучок периллы. Глядя на свежие, чистые капли воды на листьях, он почувствовал, как к горлу подкатил ком, а глаза повлажнели.

Наверное, дедушка Чжан сам её выращивает.

Услышав от Сяобао, что он заболел, пошёл в сад и сорвал свежую.

В прошлый раз — куриная ножка и бульон, в этот раз — лапша и перилла.

Это уже второй раз, когда дедушка Чжан им помогает.

И в такое трудное, опасное время.

Линь Цзао шмыгнул носом и спросил:

— Сяобао, ты поблагодарил дедушку Чжана?

— Конечно! — Линь Сяобао выпятил животик. — Я сказал «спасибо» раз десять, не меньше.

— Умница, — Линь Цзао погладил его по голове. — Когда папе станет лучше, мы приготовим что-нибудь вкусное и отблагодарим его.

— Тогда папа скорее ешь, чтобы скорее поправиться.

— Хорошо.

Линь Цзао взял таз, посмотрел то на него, то на Линь Сяобао, моргнул и поднял правую руку.

Линь Сяобао, широко раскрыв глаза, бросился к нему и, схватив его за руку, громко запротестовал:

— Папа, нельзя есть руками! Это негигиенично, так делают только дикари! Не торопись, я сейчас принесу тебе палочки!

— Хорошо, — Линь Цзао опустил руку и, улыбаясь до ушей, словно хитрый лисёнок, протянул:

— Ты тоже не торопись, иди спокойно.

Линь Сяобао, словно маленькая ракета, понёсся вниз.

Как можно спокойно? Нельзя спокойно!

Папа заболел, у него жар, он вот-вот превратится в дурачка!

Линь Сяобао пробежал до столовой на втором этаже, открыл шкаф, схватил палочки и ложку и помчался наверх.

— Я пришёл! Палочки пришли! Ложка пришла!

Линь Цзао, глядя на него, нарочно спросил:

— А кто такие Палочки и Ложка?

— Вот они, — Линь Сяобао подбежал и положил палочки и ложку в таз. — Папа, скорее ешь. Папа ещё умеет пользоваться палочками? Может, мне тебя научить?

— Давай.

***

Линь Цзао, укрывшись одеялом, сидел на кровати и ел лапшу.

А Линь Сяобао сидел рядом и серьёзно за ним наблюдал.

Он боялся, что если отвлечётся хоть на секунду, его глупенький папа начнёт есть руками.

Если есть руками, можно съесть микробы.

Папа и так болен, нельзя, чтобы он заболел ещё сильнее.

Он ведь маленькая опора этой семьи!

Он умнее папы и сильнее большого папы.

Папа и большой папа могут рассчитывать только на него, чтобы жить лучше и безопаснее!

Линь Сяобао всё отчётливее ощущал лежащую на его плечах огромную ответственность за благополучие своих родителей и ещё больше выпрямил спину.

И глаза его стали ещё больше.

Он придвигался всё ближе, следил всё пристальнее.

— Ну хватит.

Линь Цзао протянул руку и прикрыл ему глаза.

— Что ты так смотришь на меня, как бычок? Хочешь боднуть?

— Я за тобой слежу! — важно заявил Линь Сяобао.

— Хорошо.

Линь Цзао с улыбкой ответил и отставил недоеденную лапшу.

Линь Сяобао взглянул на таз и встревоженно спросил:

— Папа, ты больше не будешь?

— Да, наелся.

— Нельзя! Съешь ещё немного! Нельзя оставлять еду!

— Правда, не могу больше, — Линь Цзао погладил живот и икнул.

Лапша впитала много бульона, разбухла, и её стало ещё больше.

— Большой папа ещё не завтракал, отнесём ему остатки.

В любом случае...

Фу Чэн и раньше часто доедал за ним. Сейчас уже больше десяти, готовить ему завтрак поздно, так что лучше отдать остатки.

Но Линь Сяобао возразил:

— У большого папы тоже есть, дедушка Чжан сварил три больших таза!

— А... а? — изумился Линь Цзао.

— Я носил по одному тазу, три раза ходил, очень устал.

— Вот как, — задумался Линь Цзао. — Тогда нам на обед можно не готовить.

Линь Сяобао недоумённо спросил:

— Так много было? Но я уже всё съел.

— Вот это да, — Линь Цзао протянул руку, потрогал его надувшийся животик и показал большой палец. — Сяобао, ты — «воин сянмянь».

Позавтракав, Линь Цзао почувствовал прилив сил, откинул одеяло и встал с кровати.

Он надел тапочки, затем свитер и, наконец, армейское пальто, закутавшись в него с головой.

Линь Сяобао не хотел, чтобы он вставал, но большой папа ещё не ел, а он сам был слишком маленьким, чтобы дотянуться до окна, даже со стула, так что пришлось отправить папу.

— Папа, давай договоримся: ты отнесёшь большому папе еду и сразу же, немедленно, быстро вернёшься в кровать.

Линь Цзао, наклонившись, застегнул пальто:

— Но мне же ещё нужно заварить траву.

— Тогда заваришь и вернёшься.

— Хорошо, договорились.

Они спустились вниз.

И действительно, на журнальном столике в гостиной стоял точно такой же таз с лапшой.

Чтобы в него не попала пыль или насекомые, Линь Сяобао предусмотрительно накрыл его другим, большим тазом.

— Ух ты, Сяобао, какой ты заботливый, спасибо.

— Пустяки, папа, не стоит так мной восхищаться.

Линь Сяобао гордо вздёрнул подбородок и махнул рукой.

Линь Цзао с улыбкой перелил лапшу в термос и понёс вниз.

***

Тем временем Фу Чэн, стоя на кровати в кладовке, пытался выломать железный вентилятор на стене.

Солнечный свет, обогнув его макушку, полностью исчез за его спиной.

Обычно в это время его любимый прекрасный юноша уже приносил ему еду.

Но сегодня он не пришёл.

Он ждал долго, очень долго.

Он слышал, как мальчишка бегает вверх-вниз по лестнице и говорит кому-то, что его папа заболел.

Заболел!

Папа мальчишки заболел!

У него жар, он не может встать с кровати, он всё время спит!

Фу Чэн мгновенно встревожился!

Тревога, беспокойство и страх, хлынувшие из глубины души, яростно сжали его сердце, заставляя его терять контроль.

Он бросился к двери и изо всех сил затряс её.

Но замок был слишком крепким, он не поддавался.

Он открыл рот, чтобы позвать, чтобы попросить мальчишку открыть дверь.

Но из его горла вырвался лишь бессмысленный рёв.

Мальчишка не только не понял его, но и сказал:

— Большой папа, ты голоден? Потерпи ещё немного, папа ещё не проснулся.

Он не голоден! Совсем не голоден!

Ему больно! Его сердце болит так, что он не может дышать!

Он продолжал реветь, а мальчишка снова сказал:

— Большой папа, держись! Ты сможешь!

Держаться? Зачем держаться?

Его любимый юноша болен!

Он должен выйти к нему! Он должен позаботиться о нём!

Он должен... он должен быть рядом с ним!

Мальчишка больше не обращал на него внимания и убежал.

Фу Чэн с силой ударился о дверь, дёргал её руками, пинал ногами, пытаясь выломать.

Но эта железная дверь, кем бы она ни была установлена, была несокрушимой.

Он бился об неё долго, но лишь оставил вмятину.

От деформации замок заклинило ещё сильнее.

Дверь не открывалась, и Фу Чэн принялся биться о стены, об окна.

Он даже залез на кровать и попытался выломать вентилятор на стене.

Он хотел выломать его и пролезть через маленькое отверстие.

Но почему-то, прежде чем залезть на кровать, он не забыл снять ботинки и поставить их на пол.

Неизвестно когда, под вентилятором снова собралась толпа зомби.

Услышав его удары о стены и дверь, они пришли в ещё большее возбуждение, заволновались.

Они ревели, приветствуя его появление.

Но Фу Чэн собирался бежать не к ним.

Раздражённый, Фу Чэн яростно взревел на тех, кто был за стеной.

— Р-р-р! Р-р-р-р-р!

— Прочь! Все прочь!

Его рёв был громче, мощнее и устрашающе, чем у всех зомби снаружи!

Он сотрясал землю.

В следующую секунду все зомби за стеной затихли.

Фу Чэн перестал обращать на них внимание и мысленно повторил дважды: «Сяо Цзао».

С покрасневшими глазами, стиснув зубы, он принялся ломать лопасти вентилятора.

И в тот же миг его рука соскользнула...

Железная лопасть вспорола его плоть.

Глубокая, длинная рана от ладони до предплечья, до самой кости.

Чёрная кровь хлынула из раны и, стекая по линиям на его ладони, закапала на пол.

Мир погрузился в тишину.

Даже шагов мальчишки больше не было слышно.

И в этот момент за его спиной раздался тихий щелчок.

Замок на окне открылся.

Фу Чэн обернулся и, не успев прикрыть рану, с окровавленными руками бросился вперёд.

Пришёл! Пришёл!

Юноша, по-прежнему в маске, из-под которой виднелись лишь его круглые глаза, появился в окне.

Словно ангел, сошедший с небес.

Фу Чэн подбежал к стене и, подняв голову, своими алыми глазами впился в него, словно пытаясь рассмотреть каждую черту.

От Фу Чэна исходила властная, могучая аура.

Хотя он был внизу, а Линь Цзао, стоя на стуле, — наверху.

Хотя их разделяла стена и окно.

Но взгляд Фу Чэна был почти осязаем, словно он превратился в руки, когти, верёвки, чтобы затащить Линь Цзао внутрь.

Он хотел схватить Линь Цзао, как добычу, затащить его на свою территорию.

Как пёс охраняет кость, как волк охраняет добычу.

Охранять его вечно и никогда больше не отпускать!

Встретившись с ним взглядом, Линь Цзао, казалось, прочитал его мысли.

Он поднял руку, снял маску, обнажив своё слишком бледное лицо, и одарил его нежной, безмятежной улыбкой.

Он тихо заговорил, его голос был нежным, а тон — успокаивающим.

— Чэн-гэ, я в порядке.

Всего пять слов.

И Фу Чэн вдруг почувствовал себя обиженным.

Его глаза, до этого налитые яростью, стали жалкими.

Он в порядке.

Если в порядке, почему не пришёл раньше?

Если в порядке, почему довёл себя до такого состояния?

Фу Чэн неотрывно смотрел на него.

Линь Цзао встретил его взгляд.

После долгого колебания он закрыл окно и, развернувшись, ушёл.

Почему ушёл?

Зачем ушёл?

Фу Чэн бросился вперёд, пытаясь его вернуть.

Но их разделяла стена, он ничего не мог сделать.

Он хотел зарычать, как на тех зомби, яростно, властно.

Приказать ему вернуться!

Но он боялся напугать юношу, не смел быть слишком грубым.

Рык застрял у него в горле, превратившись в сдавленное урчание.

Сяо Цзао, вернись! Вернись!

Не уходи! Не уходи так быстро!

Дай мне ещё посмотреть на тебя! Скажи мне ещё хоть слово!

Неизвестно, услышал ли Линь Цзао его отчаянный зов.

Но в следующую секунду он вернулся.

Линь Цзао снова встал на стул, открыл окно и появился снаружи.

Он протянул руку и осторожно просунул её внутрь.

Оказывается, он не ушёл, он ходил за перчатками.

Он надел две пары: одни зимние вязаные, а поверх них — плюшевые.

В перчатках он не боялся.

Не боялся, что Фу Чэн его укусит.

Линь Цзао, оперевшись на подоконник, протянул руку к Фу Чэну. Пушистая перчатка нежно коснулась его лица.

Фу Чэн на мгновение замер, спрятал острые клыки, наклонил голову и прижался щекой к его ладони.

Послушный, беззащитный, неагрессивный.

Как волк, как пёс.

Словно приручённый.

Но лишь на секунду...

Фу Чэн не смог сдержать свою кровожадную натуру, оскалился, обнажив клыки, и нацелился на его запястье.

Линь Цзао вскрикнул от испуга, инстинктивно ударил его по лицу и выругался:

— Фу Чэн, ты... ты... подлец!

<http://bllate.org/book/16977/1583377>